

Гриценко В.В., Смотровая Т.Н., Гавронова Ю.Д. Теоретический анализ исследований коллективной вины и коллективного стыда в зарубежной психологии

English version: [Gritsenko V.V., Smotrova T.N., Gavronova Yu.D. The theoretical review of collective guilt and collective shame studies in foreign psychology](#)

Смоленский гуманитарный университет, Смоленск, Россия

Балашовский институт Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского, Балашов, Россия

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Представлен теоретический обзор современных зарубежных публикаций по проблеме групповых чувств вины и стыда, выделены основные направления в их изучении. Проанализированы основные факторы, влияющие на формирование исследуемых чувств; дана характеристика мотивации и последствий переживаний коллективных чувств вины и стыда; определена связь их с другими групповыми чувствами и степенью выраженности групповой идентичности; показана их роль в восстановлении позитивного межгруппового взаимодействия. При этом сделан акцент на тех теоретических положениях, которые могут быть положены в основу отечественных эмпирических исследований.

Ключевые слова: групповые чувства, коллективная вина, коллективный стыд, теоретический анализ, зарубежные исследования

Широкое распространение в мире межэтнических конфликтов, терроризма, корпоративного мошенничества, политического и экономического противостояния настоятельно требуют изучения тех сил, которые предупреждают применение насилия между большими группами, и тем самым разработки стратегий по улучшению межгрупповых отношений. В этой связи в фокусе социологических и психологических исследований все чаще становятся так называемые межгрупповые, групповые или коллективные эмоции и чувства [Прихидько, 2009; Прихидько, Гулевич, 2010; Abdel-Nour, 2003; Castano, Giner-Sorolla, 2006].

Известно, что для человека очень важно его членство в различных социальных группах. Его «Я-концепция» определяется не только индивидуальными характеристиками, но и характеристиками тех групп, принадлежность к которым индивид признает [Tajfel, 1982]. А потому действия членов этих групп, история их коллективных действий обладают способностью вызывать сильные эмоции. Термин «групповой» (или коллективный) используется для обозначения случаев, в которых люди проявляют чувства и эмоции, вызванные действиями членов своей группы (ингруппы) [Lickel et al., 2011].

Особое место среди групповых чувств занимают коллективные чувства вины [Doosje, Branscombe et al., 2004; Halloran, 2007] и стыда [Iyer et al., 2007; Fessler, 2004]. Актуальность их исследования обусловлена наличием объективно существующих противоречий: между значимостью

коллективных чувств вины и стыда в контексте межгруппового взаимодействия и недостаточной изученностью содержательной и процессуальной стороны данных феноменов; между потребностью раскрыть природу и динамику переживания коллективной вины и коллективного стыда и отсутствием в отечественной науке специальных эмпирических исследований данных феноменов; между запросами практики и недостаточным числом технологий, направленных на их осознание и конструктивное проявление.

Поиск путей разрешения названных противоречий определяет необходимость теоретического осмысления концептуального поля изучаемых феноменов, опираясь, прежде всего, на анализ зарубежной литературы, которая содержит, на наш взгляд, богатый материал по данной проблеме.

Анализ доступных зарубежных публикаций по проблеме коллективной вины и коллективного стыда позволяет выделить несколько основных тем и направлений их изучения в зарубежной науке.

Факторы, влияющие на возникновение чувств коллективной вины и коллективного стыда

Одной из важных тем представляется изучение восприятия человеком других людей, себя, а также событий, оказывающих влияние на возникновение чувств коллективной вины и коллективного стыда, выявление различий в их оценке и переживании, несмотря на то что обе эмоции являются взаимосвязанными и перекрещивающимися. В рамках данного направления можно отметить ряд исследований коллективного стыда, результаты которых показывают, что людям стыдно за своих соплеменников, когда последние своими противоправными действиями бросают тень не только на себя, но и в более широком плане на образ группы, на групповую идентичность. Например, в исследовании Т.Шмадер и Б.Ликкел [Schmader, Lickel, 2006b] представлены данные, свидетельствующие о достаточно сильном переживании чувства стыда, которое испытывают и «белые», и выходцы из Латинской Америки в ответ на поведение членов своей этнической группы, чьи действия подтверждают негативные стереотипы о ней. Или, в другом исследовании зарубежных коллег, были получены данные о том, что американские и британские студенты университетов испытывают сильное чувство стыда при мысли об оккупации Ирака их странами [Iyer et al., 2007]. При этом, как подчеркивают авторы, оценка студентами данного политического события представляет серьезную угрозу позитивности их национальной идентичности. Ни в одном из этих исследований оценка угрозы образа группы не оказалась связанной с чувством вины.

В противоположность этим примерам коллективная вина с большей вероятностью возникает в случае, когда отрицательные действия других приводят к тому, что люди чувствуют себя соучастниками (лично или коллективно) их предосудительных действий. Например, чувство вины, которое физические лица испытывают за действия других людей, часто связано с чувством контроля над действиями этих людей [Lickel et al., 2005]. Такие вопросы управляемости возникают там, где отмечается определенная степень взаимозависимости в межличностных отношениях, и, как следствие, люди чувствуют себя виноватыми в связи с необходимостью контролировать поступки других. К примеру, у родителей наблюдается чувство вины за проступки своих детей в зависимости от того, в какой степени они считают необходимым контролировать поведение своих детей и принимают свою ответственность за их поступки [Scarnier et al., 2009].

По аналогии с переживанием индивидуальной вины за других ключевым моментом в переживании групповой вины за других является наличие внутригрупповой ответственности за действия группы в целом, оценка которой и прогнозирует силу чувства коллективной вины за широкомасштабные несправедливости, в которых данная группа является соучастником [Mallett, Swim, 2007]. Иными словами, когда мы отождествляем себя с большой социальной группой, мы можем чувствовать себя виноватыми в той степени, в какой признаем коллективную ответственность за некоторые неправильные действия группы.

В зарубежной литературе можно назвать целый ряд исследований, посвященных изучению чувства коллективной вины у представителей той или иной группы. Например, можно выделить исследования переживания коллективной вины у голландских студентов за голландскую колонизацию в Индонезии [Doosje, Branscombe et al., 2004] и у израильтян – за израильско-палестинские отношения [Roccas et al., 2004]. Определенный интерес представляют также исследование у австралийцев установок к примирению с коренными группами аборигенов [Halloran, 2007] и у белых американцев восприятия ими коллективной ответственности за проявление дискриминации по отношению к африканским американцам [Iyer et al., 2003].

В результате этих и других исследований в науке начала XXI века прочно закрепилось утверждение, что коллективная вина возникает тогда, когда людям напоминают о злодеяниях их группы. Обширные эмпирические данные подтверждают мнение, что «насилие в отношении других человеческих существ идет рука об руку с их дегуманизацией» [Castano, Giner-Sorolla, 2006, p. 805]. В связи с этим зарубежные исследователи предпринимают попытки ответить на вопрос об условиях, которые приводят к переживанию чувства коллективной вины.

На основе данных ряда эмпирических исследований было показано, что возникновению чувства коллективной вины способствуют следующие три условия:

– во-первых, люди должны признать свое членство в группе. М.Воль и Н.Браснкомбе [Wohl, Branscombe, 2006] подчеркивают центральную роль процесса категоризации себя как члена группы в стимулировании коллективной вины;

– во-вторых, группа должна восприниматься в качестве ответственного за аморальные поступки, принесшие бедствие и вред другой группе [Doosje, Branscombe et al., 2004];

– и наконец, в-третьих, данные поступки следует рассматривать как неправомерные, необоснованные, не имеющие оправданий. Если причинение вреда воспринимается оправданным, то мало вероятности, что это приведет к возникновению коллективной вины. В подтверждение важности данного условия автор приводит такой пример: использование Америкой атомного оружия во время Второй мировой войны, в результате которого погибли сотни тысяч гражданского населения Японии, не вызывало особого чувства коллективной вины в США, потому что действия рассматривались как оправданные в ответ на японскую атаку на Пёрл-Харбор и необходимые для того, чтобы довести войну до победного конца [Fraher, 2007].

Таким образом, становится ясно, что формирование коллективной вины зависит от двух важнейших факторов: принятие группой ответственности за вред, причиненный другой группе, и восприятие своих действий необоснованными.

Мотивация и последствия переживаний коллективных чувств вины и стыда

Второй основной темой в исследовании групповых моральных эмоций является изучение мотивационных тенденций, которые лежат в основе переживаний коллективного стыда и коллективной вины, а также последствий этих переживаний.

Стыд, как известно, оказывает отрицательное влияние на оценку своего «Я». Поэтому люди, которые стыдятся, часто сообщают о сильном желании уменьшить его, скрыть или скрыться от ситуации и общественного контроля [Tangney, Fischer, 1995]. В отличие от стыда вина понимается как сигнал, свидетельствующий о нанесении вреда социальным отношениям [Baumeister et al., 1994] и, таким образом, вызывающий желание исправить этот вред и восстановить чувство

справедливости. То есть переживание стыда более всего фокусируется на самом себе, тогда как переживание вины – на других [Schmader, Lickel, 2006a]. Иными словами, различия в мотивации возникновения чувств вины и стыда могут быть объяснены разной степенью связи данных чувств с саморегуляторной и моральнорегуляторной системами.

Действительно, в некоторых исследованиях показано, что мотивационные различия между эмоциональными переживаниями вины и стыда находят еще большую выраженность в группе, чем в случаях переживания индивидуальных чувств стыда и вины [Schmader, Lickel, 2006a].

Исследователи подчеркивают, что чувство вины за негативные действия своей группы предполагает большую, чем за индивидуальные действия, поддержку позитивных действий [Воецкманн, Feather, 2007], а также извинения от имени группы [Lickel et al., 2005], стремление выплатить компенсации за прошлые обиды и др. [McGarty et al., 2005; Brown, Сehajic, 2008; Iyer et al., 2003].

При переживании стыда преобладающей мотивацией является дистанцирование от вызывающих стыд событий. Когда человек является источником стыда, дистанцирование ограничивается побегом от общественного воздействия (обнародования) и от мыслей о событии. Но когда источник стыда исходит от другого лица или группы людей, варианты дистанцирования расширены, включая дистанцирование от событий и членов группы, его совершивших, или от групповой идентичности [Johns et al., 2005; Schmader, Lickel, 2006b]. Коллективный стыд также может иметь очень важные последствия в межгрупповых конфликтах, которые являются более адаптивными, чем просто отрицание стыда или психологическое дистанцирование от события. Например, А. Айер с соавторами [Iyer et al., 2007] в исследовании отношения американских и британских студентов к оккупации Ирака отмечают, что переживаемое студентами чувство стыда было тесно связано с желанием физически вывести войска из региона, но не с тем, чтобы выплатить компенсации или наказать лидеров, которые спровоцировали это вторжение.

Результаты исследований в области мотивационных различий между виной и стыдом, на наш взгляд, открывают широкие перспективы для более глубокого понимания предполагаемой мотивации, лежащей в основе групповых вины и стыда.

Покажем это сначала на примере исследований чувства групповой вины. Одним из распространенных научных утверждений является мнение о том, что вина сигнализирует о необходимости приложения усилий для восстановления нарушенных (поврежденных) отношений [Baumeister et al., 1994; Tangney et al., 2007] и тем самым выполняет более адаптивные и просоциальные функции, чем стыд в межгрупповом контексте.

В ответ на чувство коллективной вины группы часто мотивированы на то, чтобы улучшить ситуацию в группе, которой нанесен вред, предлагая компенсацию (возмещение) в форме извинений, финансовой реституции или других средств восполнения прошлых обид [Doosje, Branscombe et al., 2004]. Например, Германия выплатила огромные компенсации Израилю и жертвам Холокоста, президент Билл Клинтон принес извинения Африке за ту роль, которую белые американцы сыграли в сохранении рабства на ее территории, а Австралия ввела национальный «День перемирия», тем самым признав дискриминацию в отношении аборигенов.

Тем не менее результаты последних исследований свидетельствуют о все более скептическом отношении к преимуществам групповой вины в позитивном развитии межгрупповых отношений по сравнению с другими социальными чувствами [Iyer et al., 2003; Thomas et al., 2009]. Согласно этой точке зрения, чувство вины является состоянием неприятия, что акцентирует внимание на своей собственной или групповой ответственности за проступок и таким образом отличается от переживания сочувствия или симпатии по отношению к тем, кто пострадал. Например, Айер с соавторами [Iyer et al., 2003] описывает манипулирование представлениями «белых» американцев о несправедливом их преимуществе относительно негров или их представлениями о невыгодном положении «черных» по сравнению с «белыми». Восприятие преимущества «белых» вызывало у них чувство вины и приводило к высказыванию поддержки политики ограниченного возмещения

«черным» нанесенного ущерба, в то время как восприятие невыгодного положения «черных» вызывало сочувствие и склоняло их к большей поддержке политики изменения положения чернокожего населения в США.

Таким образом, данные свидетельствуют о том, что, хотя вина действительно выступает важной мотивацией для налаживания межгрупповых отношений и заглаживания своей вины перед внешними группами, цель этих действий – уменьшить собственное чувство вины. Иными словами, полезность эффектов вины может быть весьма ограниченной по сравнению с эффектами сочувствия, которые, по сути, являются более целенаправленными на других, чем на себя.

Что же касается исследований группового стыда, то, как было показано выше, основной мотивацией стыда является защита образа «Я» от его запятнания отрицательными действиями своей группы, что на, первый взгляд, перекликается с негативной оценкой чувства стыда, являющимся во внутриличностном контексте менее адаптивным, чем вина [Tangney et al., 2007].

Однако некоторые исследователи полагают, что стыд может привести к более адаптивному поведению, чем традиционно предполагалось [например, de Hooge et al., 2010]. Кроме того, на основе анализа литературы о внутригрупповых эмоциях становится ясно, что стыд, основанный на угрозе своего Я, также может вызвать более широкий спектр поведенческих и мотивационных последствий, чем отрицание или дистанцирование [Schmader, Lickel, 2006b]. В частности, стыд может способствовать активной попытке восстановления запятнанного имиджа своей группы.

В ситуациях, когда групповая идентичность является особенно ценной для личности, мы можем наблюдать проявление компенсаторного поведения, направленного на восстановление чувства групповой целостности. Например, в ответ на чувство стыда, вытекающее из стереотипного поведения других членов группы, испытуемые в исследовании Т.Шмадер и Б.Ликкел [Schmader, Lickel, 2006b] сообщали о сильном желании совершать действия, которые могли бы опровергнуть существующий стереотип. Кроме того, стыд иногда предсказывает поддержку компенсации за вред внешним группам, хотя основной мотивацией для этой поддержки является восстановление образа группы [Brown, Sehajic, 2008].

Все это вместе взятое говорит о том, что стыд способствует усилению по защите и восстановлению личных и групповых идентичностей, однако в литературе мы пока не находим исследований, показывающих когда и при каких условиях будут реализованы различные, основанные на стыде стратегии поведения, начиная от дистанцирования и до восстановления образа.

Связь групповых чувств вины и стыда с другими эмоциями

В дополнение к более глубокому пониманию диапазона реакций, которые могут быть вызваны стыдом и виной, возникло еще одно направление исследований в зарубежной психологии – это изучение связи коллективных вины и стыда с другими эмоциями. Среди них прежде всего можно назвать внутригрупповой гнев и моральное возмущение несправедливостью, выступающими даже более мощными мотиваторами, чем сами вина и стыд, для социальных изменений и восстановления межгрупповых отношений [Thomas et al., 2009; Harth et al., 2008].

Например, в исследовании отношения американцев к Ираку, упомянутого ранее [Iyer et al., 2007], было выявлено, что внутригрупповой направленный гнев, коррелирующий с виной, статистически точно предсказывает поддержку политических действий, связанных с выплатой компенсаций иракцам и противостоянием сторонникам оккупации, помимо вывода войск из Ирака.

Подобный эффект был получен в исследовании европейских австралийцев: переживаемое ими чувство вины за жестокое обращение с коренными австралийцами сопровождалось высказываниями об абстрактном возмещении ущерба коренному населению. Но только в

совокупности с переживанием злости фиксировались мнения в поддержку реальных внутригрупповых политических действий для реального исправления ситуации аборигенов Австралии [Leach et al., 2006].

Кроме этого, в одном из исследований отмечается, что внутригрупповой гнев, в дополнение к потенциальной активизации деятельности в пользу потерпевшей группы, может также принимать форму унижения достоинства членов группы, которые воспринимаются как причина несправедливого, предосудительного акта, индуцированного гнева. Нередко в исследованиях гнев и стыд часто тесно связаны и вместе предсказывают мотивацию умалять достоинство членов своей группы, которые участвуют в негативных действиях, тем самым очерняя образ группы [Johns et al., 2005].

Таким образом, как и в наших предыдущих рассуждениях относительно стыда, некоторые случаи внутригруппового направленного гнева (и, возможно, морального возмущения) могут привести к усилиям по защите или восстановлению своего личного и группового образов способами, которые имеют мало прямой выгоды для потерпевшей внешней группы. В этой связи стоит остановиться еще на одном направлении изучения коллективных чувств вины и стыда – взаимосвязи и взаимовлиянии групповых чувств вины и стыда со степенью выраженности групповой идентичности.

Связь коллективных чувств вины и стыда с групповой идентичностью

На уровне группы, совершившей вредоносные действия по отношению к другим группам, переживания чувств вины и стыда, вероятно, будут болезненными, потому что связаны с очерненной групповой идентичностью. Неудивительно, что люди будут мотивированы избегать переживаний стыда и вины не только за свои собственные действия, но и за действия группы. Причем тем, кто сильно идентифицирует себя со своей группой, скорее всего, будут угрожать негативные характеристики их социальной идентичности.

Можно утверждать, что, с одной стороны, лица, имеющие сильную групповую идентичность и привязанность к группе, потенциально чаще будут испытывать стыд или вину от вызывающих их событий. С другой стороны, эта идентификация с группой может привести людей к возникновению моральных шор в отношении совершенных группой правонарушений, а также к поиску способов поддержания ее невиновности (к примеру, не замечать эти нарушения или оправдывать их).

В качестве примера можно привести исследование переживания вины голландцами за историю своей страны, связанную с колониализмом, которое описывают Б.Дюйсе и Н.Бранскомбе с коллегами [Doojse, Branscombe et al., 2004]. Исследователи использовали описание истории в позитивном, отрицательном или неоднозначном свете. Независимо от уровня национальной идентификации голландские респонденты в целом чувствовали себя виноватыми, когда они читали только о негативных последствиях колонизации. Однако национальная идентификация оказывала влияние на проявление эмоций голландцев в случае неоднозначного представления истории колониализма: лица с высокой степенью выраженности своей национальной идентичности значительно меньше чувствовали вину, при этом избирательно опираясь на положительные последствия колонизации в качестве средства, оправдывающего более негативные аспекты прошлого своей страны.

Аналогичная картина наблюдалась у американцев при изучении у них чувства стыда за инциденты, связанные с антиарабскими предрассудками после 11 сентября 2001 года [Johns et al., 2005]. При восприятии событий, которые однозначно оценивались как негативные, групповая идентификация усиливала чувство стыда американцев за предосудительное поведение своей группы, в то время как

при восприятии событий, оцениваемых как менее негативные, идентификация с группой, наоборот, ослабляла испытываемое ими чувство стыда.

Эти два случая являются примерами того, как общий уровень идентификации может быть связан с чувствами группового стыда и вины. Тем не менее идентификация с группой может иметь несколько различных значений, одно из которых относится к определению своей Я-концепции, а другое связано с его привязанностью и приверженностью к группе.

Так, например, Т.Шмадер и Б.Ликкел [Schmader, Lickel, 2006b] исследовали реакцию стыда у латиноамериканцев в ситуации, когда другой член их этнической группы поступал согласно имеющемуся отрицательному стереотипу о латиноамериканцах. С помощью шкалы коллективной самооценки Р.Лухтанен и Дж.Крокера [Luhtanen, Crocker, 1992] измерялись различные аспекты этнической идентификации, включая степень значимости этничности как аспекта их личностной идентичности и степени, в которой они чувствовали гордость за свою этническую группу. Хотя эти два аспекта идентификации положительно коррелировали между собой, они по-разному были связаны с чувством стыда. В частности, рассматривая стереотипное поведение членов ингруппы, латиноамериканцы испытывали чувство стыда тем сильнее, чем более важной признавалась этничность в структуре их идентичности. Чем в большей степени латиноамериканцы гордились своим этническим наследием, тем в меньшей степени они испытывали чувство стыда за неподобающее поведение своих соплеменников.

С.Роккас, И.Клар и И.Ливиатан [Roccas, Klar, Liviatan, 2006] провели исследование, позволившее не только дифференцировать различные аспекты идентификации, но и рассмотреть процессы, посредством которых идентификация может привести к усилению или затуханию коллективной вины. Их исследование посвящено изучению чувства вины израильтян за исторические события, причинившие вред палестинцам. Они измерили два аспекта национальной идентификации: а именно, привязанность к групповой идентичности и прославление страны. Хотя эти меры идентификации были взаимосвязаны, они имели разное отношение к чувствам вины: привязанность положительно связана с виной, а прославление – отрицательно.

С.Роккас и его коллеги [Roccas et al., 2006] также оценивали «защитные» знания людей на события, которые могут объяснить или оправдать (признать справедливыми) действия Израиля. Они обнаружили, что эти оправдательные знания опосредованы отношениями между мерами идентификации и вины: те, кто склонен прославлять свою страну, чаще оправдывали действия, чем те, кто был привязан к своей группе.

Оправдательные знания могут играть особенно важную роль в преодолении конфликта между осознанием факта причинения вреда и переживанием по этому поводу состояний угнетенности и самопорицания, тем самым обеспечивая членам группы основу для оформления любых нынешних правонарушений как способа защиты групповой идентичности. Если исторические факты напоминают о виктимизации своей группы, то происходит уменьшение чувства вины за межгрупповой конфликт. Например, когда американцам напомнили об их виктимизации 11 сентября и о нападении на Перл Харбор в 1941 году, они сообщили о снижении чувства вины за вторжение Америки в Ирак [Wohl, Branscombe, 2006].

Таким образом, хотя стыд и вина могут быть очень сильными эмоциями, которые помогают в регулировании социального поведения и снижении межгруппового конфликта, циклический характер межгруппового конфликта может привести к такой интерпретации конфликта, которая содействует оправданию, а не признанию вреда против других групп. Результаты изложенных выше исследований свидетельствуют о сложных связях между групповой идентификацией и групповыми чувствами стыда и вины.

Заметим, что проблема взаимовлияния эмоций и внутригрупповой идентификации только начинает разрабатываться в зарубежной науке и в настоящее время существует еще много «белых пятен» в

этой области. Среди исследований, в какой-то мере восполняющих этот пробел, стоит назвать работу Т.Кесслер и С.Гольбах [Kessler, Hollbach, 2005]. Суть их исследования заключается в следующем. Восточным немцам напоминали те времена, когда они испытывали по отношению к себе чувство благожелательности, и времена, связанные с переживанием гнева. Авторы измерили степень идентификации до и после индукции вышеуказанных эмоций и обнаружили, что идентификация снизилась после того, как люди были вынуждены чувствовать гнев против своей группы. Интересно, что количество случаев снижения идентификации восточных немцев увеличилось в ситуациях подтверждения негативных автостереотипов другими членами ингруппы. Иными словами, переживание чувства стыда приводит к растождествлению со своей этнической идентичностью после подтверждения отрицательного стереотипа членами ингруппы.

Таким образом, групповые чувства вины и стыда имеют возможность формировать идентификацию граждан со своей группой, а не являются просто продуктом идентификации.

Значение коллективных чувств вины и стыда в восстановлении позитивного межгруппового взаимодействия

Еще одно интересное и важное с точки зрения практической значимости направление в изучении коллективных чувств вины и стыда – это исследования, нацеленные на выяснение роли данных чувств в преодолении кризиса групповой идентичности вследствие произошедшего конфликта и восстановления позитивных отношений между группами.

Согласно модели примирения, основанной на потребностях [Shnabel, Nadler, 2008], у членов «группы-жертвы» есть необходимость в расширении возможностей для уважения, в то время как у членов «группы-обидчика» имеется потребность в признании [Shnabel et al., 2009; Bergsieker et al., 2010]. Причем «группа-жертва» и «группа-обидчик» смотрят друг на друга в надежде найти сигналы для расширения возможностей в уважении и принятии, поэтому эмоциональные процессы в группах следует рассматривать как динамические и взаимообусловленные, которые зависят как от времени, так и от реакций другой группы.

Р.Гинер-Соролла с коллегами [Giner-Sorolla et al., 2008] обнаружили следующее: выражение стыда увеличивает принятие компенсации вреда от внешней группы по сравнению с выражением вины. Хотя выражения вины сигнализируют о принятии ответственности, самоуничижение от выражения стыда, пожалуй, больше уравнивает статусы между сторонами, чем вина. Несмотря на то, что вина может быть более надежным предиктором мотивации для извинений и возмещения ущерба, чем стыд, принятие стыда за оказанный вред внешней группы, вероятно, будет лучшим сигналом проявления уважения, чем в ситуации выражения вины.

Очевидно, тем не менее, что реакция «группы-жертвы» может также повлиять на реакцию «группы-обидчика». «Обиженная группа» испытывает некоторое напряжение между желанием получить выгоду от примирения, социальное сотрудничество с «провинившейся» группой, прибыль от коллективных действий, с одной стороны, и более конфронтационным стремлением добиться равенства и справедливости, – с другой [Dovidio et al., 2009; Saguy et al., 2009; Thomas et al., 2009].

Поэтому «группа-жертва» может поднять планку своих требований возмещения ущерба слишком высоко и тем самым влиять на эмоции, такие как чувство вины, которое может вызвать мотивацию компенсации у «группы-обидчика».

Косвенное доказательство этого было получено М.Бердсен и С.МакГарти [Berdsen, McGarty, 2009], которые экспериментально «манипулировали» трудностями в принятии «обиженной группой» компенсации от «провинившейся группы» и обнаружили, что чувство вины у членов «провинившейся группы» снижалось, когда им было очень трудно загладить свою вину, по

сравнению с тем, когда загладить свою вину было в меру трудно.

Иными словами, в случае, в котором требования «обиженной группы» являются слишком высокими, члены «провинившейся группы» могут «выключить» свою реакцию вины и в результате оказываются менее мотивированы на восстановление межгрупповых отношений.

Взаимообусловленность эмоциональных реакций и поведения «группы-обидчика» и «группы-жертвы» является сложным и неоднозначным. Данное направление только набирает обороты и выступает одним из самых интересных и важных в исследованиях групповых чувств вины и стыда.

Выводы

Завершая анализ зарубежных источников по проблеме коллективной вины и коллективного стыда, отметим, что это далеко не полный обзор стремительно расширяющейся области исследований групповых эмоций. Наряду с уже устоявшимися направлениями исследований групповых чувств вины и стыда можно выделить новые и перспективные направления, которые только обозначили круг проблемных вопросов, требующих своего решения в будущем. Тем не менее мы можем сделать ряд важных выводов, позволяющих вычлнить рациональное зерно для теоретического обоснования, разработки и реализации программы собственного эмпирического исследования.

1. Понятия «коллективной вины» и «коллективного» стыда» обозначают случаи переживания индивидами чувств вины и стыда, вызванных действиями членов группы, принадлежность к которым они ощущают (ингруппы).
2. Несмотря на то, что чувства вины и стыда являются взаимосвязанными и взаимопересекающимися, существуют определенные различия в восприятии и оценке человеком других людей, себя, а также событий, связанных с возникновением чувств коллективной вины и коллективного стыда. Оценка действий членов ингруппы как противоправных приводит к возникновению чувства стыда, сопровождающегося снижением самооценки и нарушением групповой идентичности. В то время как признание ответственности за действия членов своей группы с большей вероятностью приводит к переживанию чувства коллективной вины.
3. Существуют различия в мотивации поведения, вызванного виной или стыдом. Чувство вины за негативные действия своей группы приводит к намерениям оказать поддержку членам обиженной группы, извиниться от имени группы, выплатить компенсации за прошлые обиды и др. При переживании стыда преобладающей мотивацией поведения является дистанцирование от вызывающих стыд событий и членов группы, участвующих в них, и растождествление себя с группой. Помимо этого выявлены компенсаторные возможности переживания групповых чувств, особенно коллективного стыда в восстановлении имиджа своей группы и чувства групповой целостности.
4. Выявлена очень тесная связь групповых чувств вины и стыда с такими чувствами, как внутригрупповой гнев и моральное возмущение несправедливостью, выступающими вкуче очень мощными мотиваторами для социальных изменений и восстановления межгрупповых отношений.
5. Глубина переживания чувств вины и стыда также тесно связана с выраженностью этнической / национальной идентичности и чувства гордости за свою этническую / национальную группу. При определенных условиях сильная идентификация с группой может как усиливать, так и уменьшать степень переживаний групповых вины или стыда, демонстрируя тем самым сложный и неоднозначный характер этой связи. Групповые стыд и вина, в свою очередь, имеют возможность формировать идентификацию граждан со своей группой, а не являются просто продуктом идентификации.
6. Рассматривая коллективные чувства вины и стыда как динамические и обусловленные действием

многих факторов, включая характер отношения и реакции другой группы, однозначно можно утверждать о наличии в них огромного потенциала в преодолении кризиса групповой идентичности вследствие произошедшего конфликта и восстановления позитивных отношений между группами.

Финансирование

Исследование ведется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00492.

Литература

Прихидько А.И. Межгрупповые эмоции: основные направления исследований. Психология. Журнал высшей школы экономики, 2009, 4(6), 103–116.

Прихидько А.И., Гулевич О.А. Межгрупповые эмоции в условиях политической конкуренции. Психологические исследования, 2010, 1(9). <http://psystudy.ru>

Abdel-Nour F. National Responsibility. Political Theory, 2003, 31(5), 693–719.

Baumeister R.F., Stillwell A.M., Heatherton T.F. Guilt: An interpersonal approach. Psychological Bulletin, 1994, 115(2), 243–267.

Berndsen M., McGarty C. The impact of magnitude of harm and perceived difficulty of making reparations on group-based guilt and reparation towards victims of historical harm. European Journal of Social Psychology, 2010, 40(3), 500–513.

Bergsieker H.B., Shelton J.N., Richeson J.A. To be liked versus respected: Divergent goals in interracial interactions. Journal of Personality and Social Psychology, 2010, 99(2), 248–264.

Boeckmann R.J., Feather N.T. Gender, discrimination beliefs, group-based guilt, and response to affirmative action for Australian women. Psychology of Women Quarterly, 2007, 31(3), 290–304.

Brown R., Cehajic S. Dealing with the past and facing the future: Mediators of the effects of collective guilt and shame in Bosnia and Herzegovina. European Journal of Social Psychology, 2008, 38(4), 669–684.

Castano E., Giner-Sorolla R. Not quite human: Infrahumanization in response to collective responsibility for intergroup killing. Journal of Personality and Social Psychology, 2006, 90(5), 804–818.

de Hooge I.E., Zeelenberg M., Breugelmans S.M. Restore and protect motivations following shame. Cognition and Emotion, 2010, 24(1), 111–127.

Doosje B., Branscombe N.R., Spears R., Manstead A.S.R. Consequences of national ingroup identification for responses to immoral historical events. In: N.R. Branscombe, B. Doosje (Eds.), Collective guilt: International perspectives. New York: Cambridge University Press, 2004. pp. 95–111.

Dovidio J.F., Saguy T., Shnabel N. Cooperation and conflict within groups: Bridging intragroup and intergroup processes. Journal of Social Issues, 2009, 65(2), 429–449.

Fessler D.M.T. Shame in two cultures: Implications for evolutionary approaches. Journal of Cognition and Culture, 2004, 4(2), 207–262.

Fraher A.L. Collective guilt as a force for change: A Concept Paper. Socio-analysis: Journal of Group

Relations Australia. 2007, 9(December), 1–18.

Giner-Sorolla R., Castano E., Espinosa P., Brown R.J. Shame expressions reduce the recipient's insult from outgroup reparations. *Journal of Experimental and Social Psychology*, 2008, 44(3), 519–526.

Halloran M.J. Indigenous reconciliation in Australia: Do values, identity and collective guilt matter? *Journal of Community and Applied Psychology*, 2007, 17(1), 1–18.

Harth N.S., Kessler T., Leach C.W. Advantaged group's emotional reactions to intergroup inequality: The dynamics of pride, guilt, and sympathy. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2008, 34(1), 115–129.

Iyer A., Leach C.W., Crosby F.J. White guilt and racial compensation: The benefits and limits of self-focus. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003, 29(1), 117–129.

Iyer A., Schmader T., Lickel B. Why individuals protest the perceived transgressions of their country: The role of anger, shame, and guilt. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007, 33(4), 572–587.

Johns M., Schmader T., Lickel B. Ashamed to be an American? The role of identification in predicting vicarious shame for Anti-Arab prejudice after 9-11. *Self and Identity*, 2005, 4(4), 331–348.

Kessler T., Hollbach S. Group-based emotions as determinants of ingroup identification. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2005, 41(6), 677–685.

Leach C., Iyer A., Pedersen A. Anger and guilt about ingroup advantage explain the willingness for political action. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, 32(9), 1232–1245.

Lickel B., Schmader T., Curtis M., Scarnier M., Ames D.R. Vicarious shame and guilt. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2005, 8(2), 145–157.

Lickel B., Steele R., Schmader T. Group-Based Shame and Guilt: Emerging Directions in Research. *Social and Personality Psychology Compass*, 2011, 5(3), 153–163.

Luhtanen R., Crocker J. A collective self-esteem scale: Self-evaluation of one's social identity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1992, 18(2), 302–318.

McGarty C., Pedersen A., Leach C.W., Mansell T., Waller J., Bliuc A.M. Group-based guilt as a predictor of commitment to apology. *British Journal of Social Psychology*, 2005, 44(4), 659–680.

Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, 91(4), 698–711.

Saguy T., Pratto F., Dovidio J., Nadler A. Talking about power: Group power and the desired content of intergroup interactions. In: S. Demoulin, J-P. Leyens, J.F. Dovidio (Eds.), *Intergroup misunderstandings: Impact of divergent social realities*. New York: Psychology Press, 2009. pp. 213-232.

Scarnier M., Schmader T., Lickel B. Parental shame and guilt: Distinguishing emotional responses to a child's wrongdoing. *Personal Relationships*, 2009, 16(2), 205–220.

Schmader T., Lickel B. The approach and avoidance function of guilt and shame emotions: comparing reactions to self-caused and other-caused wrongdoing. *Motivation and Emotion*, 2006a, 30(1), 43–56.

Schmader T., Lickel B. Stigma and shame: Emotional responses to the stereotypic actions of one's ethnic

ingroup. In: S. Levin, C. van Laar (Eds.), Stigma and group inequality: Social psychological approaches. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2006b. pp. 281–286.

Shnabel N., Nadler A. A needs-based model of reconciliation: Satisfying the differential needs of victim and perpetrator as key to promoting reconciliation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008, 94(1), 116–132.

Shnabel N., Nadler A., Ullrich J., Dovidio J.F., Carmi D. Promoting reconciliation through the satisfaction of the emotional needs of victimized and perpetrating group members: The Needs-Based Model of Reconciliation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2009, 35(8), 1021–1030.

Tajfel H. *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Tangney J.P., Fischer K.W. *Self-conscious emotions*. New York: Guilford, 1995.

Tangney J.P., Stuewig J., Mashek D.J. Moral emotions and moral behavior. *Annual Review of Psychology*, 2007, 58(1), 345–372.

Thomas E.F., McGarty C., Mavor K.I. Transforming "apathy into movement": The role of prosocial emotions in motivating action for social change. *Personality and Social Psychology Review*, 2009, 13(4), 310–333.

Wohl M.J.A. Brasncombe N.R. Collective guilt: Emotional reactions when one's group has done wrong or been wronged. *European Review of Social Psychology*, 2006, 17(1), 1–37.

Поступила в редакцию 24 февраля 2014 г. Дата публикации: 15 июня 2014 г.

[Сведения об авторах](#)

Гриценко Валентина Васильевна. Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей и социальной психологии, факультет психологии и права, Смоленский гуманитарный университет, ул. Герцена, д. 2, 214014 Смоленск, Россия.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

Смотрова Татьяна Николаевна. Кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и педагогики профессионального образования, социально-гуманитарный факультет, Балашовский институт Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского, ул. К.Маркса, д. 29, 412300 Балашов, Саратовская область, Россия.

E-mail: tat-smotrova@yandex.ru

Гавронова Юлия Дмитриевна. Ассистент, кафедра иностранных языков, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 Смоленск, Россия.

E-mail: kozadereza2@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гриценко В.В., Смотрова Т.Н., Гавронова Ю.Д. Теоретический анализ исследований коллективной вины и коллективного стыда в зарубежной психологии. *Психологические исследования*, 2014, 7(35), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гриценко В.В., Смотрова Т.Н., Гавронова Ю.Д. Теоретический анализ исследований коллективной

вины и коллективного стыда в зарубежной психологии // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 35. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n35/992-gritsenko35.html>

[К началу страницы >>](#)